

УДК 343.2

ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗВИТИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА МОШЕННИЧЕСТВО: ОПЫТ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

А. Н. Примаков

кандидат юридических наук,

доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики
Могилевского института МВД (Беларусь)

На основе результатов анализа сохранившихся исторических памятников права и современных норм уголовного законодательства Российской Федерации и Республики Беларусь в статье излагаются причины установления и особенности правового регулирования уголовной ответственности за мошенничество как исторически возникшее самостоятельное общественно опасное деяние, так и современное достаточно распространенное преступление, совершаемое в абсолютном большинстве случаев с использованием компьютерной информации. Определено, что уголовно-правовые нормы, регламентирующие ответственность за данное преступление на территории Республики Беларусь и Российской Федерации, формировались постепенно в контексте исторического развития и становления Древней Руси, Российской империи, СССР (БССР), Республики Беларусь и Российской Федерации уже как независимых государств.

Для более эффективного противодействия такой форме хищения, как мошенничество, в том числе совершаемого с использованием компьютерной информации, предопределена необходимость введения в нормы действующего уголовного законодательства Республики Беларусь дополнительного квалифицирующего признака, ужесточающего ответственность за его совершение обозначенным способом; в Уголовном кодексе Российской Федерации — объединения всех составов мошенничества (ст. 159–159.6 Уголовного кодекса Российской Федерации) в одну общую норму с выделением указанного признака.

Ключевые слова: *мошенничество, обман, злоупотребление доверием, уголовная ответственность, компьютерная информация, модификация, информационно-телекоммуникационные технологии.*

Хищения, совершаемые с использованием обмана, были присущи всем цивилизациям еще в древности в силу возникающих и развивающихся на тот момент торгово-рыночных отношений. Детерминантно такие деяния связаны с расширением рынков услуг, продаж и транспортировкой различных товаров, ценных предметов и вещей, получением и передачей на них имущественных прав. Первым законодательным источником по регламентации ответственности в отношении права собственности традиционно принято считать заключенный в 911 г. между Древней Византией и Древней Русью Русско-византийский договор. Данным Договором устанавливались меры наказания за хищения, совершенные путем кражи, грабежа или разбоя [1]. Помимо этого, можно предположить, что в нем впервые прослеживаются этимологические признаки термина «мошенничество», поскольку по действующим в то время народным традициям и обычаям денежные средства было принято хранить в специальном небольшом мешке с завязкой, который назывался «мошна» — прообраз современного кошелька. Считается, что именно от этого слова в последующем и произошло слово «мошеник», то есть специалист по срезанию «мошны» с пояса (ремня) [2].

В ходе развития и становления древнерусских княжеств в IX веке сформировалась система права, основанная на действующих в то время народных обычаях и традициях древних славян (русское право). С возрастанием государственной роли Древней Руси (Киевской Руси и зависимых от нее государств) усилилась и законодательная деятельность входящих в ее состав княжеств, что привело к активации нормотворческого процесса и созданию новых систематизированных правовых

актов. Так, был разработан и введен в действие первый Русский кодифицированный закон — Русская Правда, который включал в себя ряд норм, регламентирующих в том числе имущественные отношения и наказуемые противоправные деяния, связанные с ними. В данном законе впервые законодательно употребляется термин «обман», однако его понятие не раскрывается. Регламентация ответственности в сфере имущественных отношений в этой части сводится к тому, что вводится запрет на различные формы обмана, посредством которых виновные могли завладеть денежными средствами или иным имуществом чужого человека [3].

Наиболее типичные и распространенные способы мошеннических действий в те времена были связаны с обманом покупателя продавцом по поводу количества или качества приобретаемого товара. В последующем новые формы мошенничества стали проявляться и в других сферах общественной деятельности (начались выявляться факты фальсификации (подделки) платежных и финансовых документов, печатей, используемых преступниками для приобретения чужого имущества или права на имущество). Характерной особенностью законодательства того времени было отсутствие закрепленного понятийного аппарата конкретных преступлений и их уголовно-правовых признаков. Назначение наказания за совершение противоправных деяний и их юридическая квалификация осуществлялись индивидуально судом по своему усмотрению [4, с. 270].

Термины «мошенничество» (как конкретное противоправное деяние), «мошенник» и тождественное ему «обманщик» впервые законодательно употребляются в Судебнике Ивана IV Грозного 1550 г. Так, в ст. 58 данного сборника говорилось: «А мошеннику та же казнь, что и татю (вору). А обманщика, как ни приведут, ино его бити кнутьем» [5, с. 305]. Мошенничество по рассматриваемому Судебнику приравнивалось к карманной краже и соразмерно наказывалось. При этом, если обратить внимание на вторую часть этой статьи, то здесь уже речь идет о возможности применения к виновному физического наказания (причинения телесных повреждений), что существенно противоречит действующим в настоящее время нормам уголовного закона и его доктринальному толкованию. Именно в этой норме, по мнению М. Ф. Владимирского-Буданова, впервые представлены разграничения кражи и мошенничества [6, с. 73], употребляется термин «обман» как основной способ совершения мошеннических действий [5, с. 110].

В Соборном уложении 1649 г. в целом по своему содержанию, за исключением некоторых мер по ужесточению наказания, дублировались правовые положения, касающиеся ответственности за мошенничество, установленные Судебником Ивана IV Грозного. Так, в соответствии со ст. 9, 10 и 11 гл. XXI «О розбойных и татинных делах» данного Уложения, даже к лицам, впервые совершившим указанное деяние, применялось сразу несколько наказаний: «битье кнутом», «физическое отсечение (отрезание) левого уха», «помещение в тюрьму сроком на два года» и «высылка в украинные города». При этом за время отбытия наказания в тюрьме виновный обязывался и принудительно направлялся «работать в кайдалах на всякие изделия, где государь укажет», а принадлежащее ему имущество, если таковое имелось, в качестве возмещения вреда, причиненного преступлением, передавалось полностью в собственности пострадавшему [7].

Введенный Петром I в 1715 г. военно-уголовный кодекс «Артикул Воинский» в целом, в сравнении с Соборным уложением 1649 г., сохранил содержание понятийного аппарата и признаков мошенничества. Изменения, содержащиеся в данном кодексе, в большей степени касались расширения круга конкретных уголовно-правовых запретов, связанных с обманными и мошенническими действиями. Так, наиболее близкие по своему содержанию с рассматриваемым преступлением деяния были закреплены в артикуле 199 («Кто лживую монету будет бить или делать, оный имеет живота лишен, и по великости нарушения сожжен быть»), артикуле 200 («Ежели кто мерою и весом лживо поступит, оный не точию то добро (которым он

обманул) имеет возратить втрое, но и сверх того денежный штраф дать, и на теле имеет быть наказан») и артикуле 202 («Ежели кто с умыслу, лживое имя или прозвище себе примет, и некоторый учинит вред, оный за бесчестнаго объявлен и по обстоятельству преступления, наказан быть имеет») указанного кодекса [8]. Такое изложение и содержание представленных правовых норм, на наш взгляд, свидетельствует о явно назревшей необходимости интерпретации признаков мошенничества как отдельного преступления, существенно отличающегося от других форм хищений.

Во времена правления Екатерины II о мошенничестве как об отдельном виде преступлений упоминается в Именном указе «О суде и применении наказания за воровство разного рода и о заведении рабочих домов во всех губерниях» 1781 г. [9, с. 23]. В данном Указе разъясняется отличие «воровства-мошенничества» от «кражи», а именно определено, что при совершении мошенничества характер действий виновного связан не только с необходимым доверием пострадавшего к преступнику, но и с его умением «реализовать обман», то есть жертва не подозревает и не осознает последствий совершаемых в отношении нее действий и недостоверность получаемых при этом сведений; обозначается необходимость установления наличия при совершении мошеннических действий корыстного мотива как обязательного элемента вины, а также отсутствия признаков физического насилия.

Неудачная попытка законодателя по формулировке содержания кражи и мошенничества прежде всего, на наш взгляд, связана с наличием в хищениях общих и специальных объективных признаков и использованием при этом в качестве основы предыдущих нормативно-правовых актов, которые придавали этим преступлениям излишний признак тайности действия и не определяли их общую форму. Применительно к преступлениям против собственности термин «хищение» в уголовном праве определен путем выделения конкретных форм: кражи, мошенничества, растраты, присвоения, грабежа, разбоя. Такой подход позволяет их систематизировать и практически безошибочно разграничивать. Вместе с тем следует отметить, что указанный термин неоднократно в течение долгого периода времени подвергался теоретическим и редакционным пересмотрам.

Следующим нормативным правовым актом, который придал мошенничеству как противоправному деянию строгую и вполне структурно-содержательную конструкцию, стал первый Уголовный кодекс в истории России — «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных» 1885 г. [10]. В ст. 1665 данного Уложения устанавливалась уголовная ответственность за мошенничество, под которым понимались любые умышленные действия, совершенные посредством какого-либо обмана, направленные на похищение чужого имущества, денежных средств или иных вещей. Отсюда можно сделать вывод о том, что уже в тот период времени для доказывания противоправных мошеннических действий и вины преступника требовалось обязательно установить способ совершения преступления и наличие умысла на хищение заведомо для виновного чужого имущества.

На основе анализа указанного Уложения, закрепленных в нем способов и форм мошенничества можно определить его специфические характеристики и разделить их на следующие группы:

1) по характеристике личности пострадавшего данное преступление могло быть совершено: в отношении глухого или слепого; несовершеннолетнего лица; совершеннолетнего лица;

2) по повторности совершения преступления: деяние совершено лицом впервые; деяние совершено лицом повторно (во второй, третий раз и т. д.);

3) по способу совершения мошенничества: с использованием своего служебного положения; с использованием положения особого доверия; с созданием и использованием специальных средств и способов обмана; совершенного группой лиц по предварительному согласованию.

Позднее в рассматриваемое Уложение были внесены редакционные изменения и мошенничество стало определяться как «всякое обманное похищение чужого движимого имущества», то есть здесь законодатель все признаки преступлений, связанных с незаконным завладением чужого имущества, объединил в общий термин «похищение». Характеризуя нормы действующего уголовного закона в соответствующий исторический период, Н. С. Таганцев утверждал, что «для привлечения виновного к ответственности за мошенничество необходимо было установить цель совершения его обманных действий, то есть похищение чужого имущества должно было достигаться посредством использования такой формы обмана, чтобы его владелец считал преступника лицом, имеющим законное имущественное право на получение и использование тех либо иных предметов и вещей либо совершение сделок, не имея при этом реальной возможности убедиться в обратном» [11, с. 867].

Ключевую роль, на наш взгляд, в определении понятия «мошенничество» в дореволюционном российском законодательстве сыграло Уголовное уложение 1903 г., в котором рассматриваемому преступлению была посвящена целая глава 33 «Мошенничество», включавшая соответствующий перечень уголовно наказуемых деяний (ст. 591–598). Естественно, в данной главе были сформулированы новые составы хищений имущества, связанные с обманом, а также новый предмет преступного посягательства — недвижимое имущество [12, с. 233]. Мошенничество здесь определялось как:

1) похищение человеком имущества другого лица, совершенное обманным путем с целью его завладения;

2) хищение движимого имущества с целью присвоения посредством обмера, недовеса;

3) мошенничество в отношении количества либо качества материалов в процессе купли-продажи и иных возмездных сделок [13].

Таким образом, на основании анализа данного Уложения следует констатировать, что по характеру и конструкции закрепленных норм российская юридическая техника вышла на качественно новый уровень. Этот факт не удивителен, поскольку в тот период времени перед законодателем стояла одна из важнейших задач — систематизация уголовного закона, сформированного за последние два столетия. При этом его авторы, как видится, больше внимания уделили оптимизированному подходу — отказу от излишней казуальности и переходу к использованию обобщенных форм. Наказание за совершение мошеннических действий дифференцировалась в зависимости от размера похищенного начиная от пятидесяти копеек до пятисот рублей и свыше пятисот рублей [14, с. 242].

Ни в коем случае не преуменьшая значимости Уголовного уложения 1903 г. в контексте развития и совершенствования российского уголовного законодательства, которая, на наш взгляд, более чем очевидна и не вызывает сомнений, все же следует указать, что, по мнению ряда ученых, действие данного нормативного акта в силу объективных причин не распространялось на всей территории Российской империи [15, с. 28–49].

В последующем, после Октябрьской революции 1917 г., «которая прервала эволюционный процесс становления капиталистических отношений в Российской Империи» [16, с. 32], содержание признаков мошенничества подверглось коренному переосмыслению. При этом, естественно, ни о какой «рецепции и преемственности дореволюционного права и не могло идти речи» [17, с. 87], поскольку в образованном на тот момент новом государстве собственность признавалась одной из базовых экономических основ социалистического общества, без которой его существование не представлялось возможным.

В принятом в тот период времени совместном Постановлении Всероссийского центрального исполнительного комитета и Совета Народных Комиссаров РСФСР «О мерах борьбы с хищениями из государственных складов и должностными

преступлениями, способствующие хищениям» 1921 г. [18], говорилось о повышенной мере уголовной ответственности за совершение преступных посягательств против собственности, особенно для должностных, материально ответственных и приравненных к ним лиц. Актуализируя вопрос о защите права собственности, В. И. Ленин говорил, что «необходимо хранить, беречь и охранять землю и хлеб как зеницу ока. Орудия труда, продукты, транспорт — все это отныне будет всецело народным, общественным достоянием» [19, с. 50]. Соответственно, наказание за совершение любых форм хищений, в том числе путем мошенничества, было существенно ужесточено.

В первом советском Уголовном кодексе РСФСР 1922 г. (далее — УК РСФСР), который действовал в том числе и на территории современной Республики Беларусь, образованной тогда БССР, мошенничество определялось как получение с корыстной целью имущества или права на имущество посредством злоупотребления доверием или обмана [20, ст. 187]. Думается, что получение имущества здесь определялось как фактическая передача виновному заведомо чужого для него имущества (денежных средств, материальных предметов и иных ценностей). Однако законодатель в тексте самой нормы не указал на то, что получаемое имущество должно было быть обязательно заведомо чужим для него. Поэтому по логике закона мошенничество могло быть совершено посредством злоупотребления доверием или обмана и в случае получения преступником принадлежащего ему имущества, если при этом нарушались права каких-либо лиц, ограничивающие вещные права собственника этого имущества [21, с. 26–29]. Под получением права на имущество, по нашему мнению, представлялось завладение носителя (документа, правообразующей или удостоверяющей записи, подписи), дающего его обладателю право собственности в отношении этого имущества. Обращает на себя внимание и обозначенный обязательный признак, необходимый для квалификации деяния как мошенничества — это корыстная цель. То есть для установления факта данного преступления теперь требовалось доказать стремление виновного изъять и обратить чужое имущество в свою пользу либо распорядиться указанным имуществом как своим собственным, в том числе посредством передачи его во владение третьим лицам.

Помимо «обмана» как основополагающего признака данного преступления, в ст. 187 УК РСФСР впервые был введен признак «злоупотребление доверием». Однако, если определение и квалификация «обмана» здесь понимались в контексте действий, связанных с «сообщением ложных сведений или заведомым сокрытием обстоятельств, о которых пострадавшее лицо должно было быть осведомлено обязательно» [22, с. 29], то определение понятия «злоупотребление доверием» в данном уголовном законе не раскрывалось. Кроме того, следует также отметить, что в целом все формы хищений были разделены на две группы по признаку принадлежности права собственности (хищения против государственной собственности и хищения против частной собственности). При этом особое внимание стало уделяться государственной собственности. В качестве яркого примера ее защиты может служить Постановление Центрального исполнительного комитета и Совета Народных Комиссаров СССР «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и об укреплении общественной (социалистической) собственности» 1932 г. — так называемый Закон о трех колосках, с утверждением которого возросло значение защиты государственного имущества и в юридической практике появилось понятие «хищение социалистической собственности». За совершение таких преступлений, в том числе посредством мошенничества, предусматривалась высшая мера наказания — смертная казнь путем расстрела с конфискацией имущества.

В дальнейшем еще одним нормативным правовым актом, по сути и содержанию практически дублирующим предыдущий, регламентирующим вопросы ответственности за совершение мошенничества, стал Закон «Об утверждении Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик» 1958 г., в котором закреплялась

дифференциация уголовно-правовой охраны права собственности [23]. Это было сделано, как нам представляется, прежде всего не для того, чтобы уменьшить значение охраны имущества граждан, а для того, чтобы еще раз обозначить действующий тогда приоритет защиты государственной собственности над частной (с учетом примата государственных преступлений в целом).

Разумеется, в качестве базового нормативного документа уголовно-правовой регламентации мошенничества следует считать Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. [24]. Так, в ст. 93 данного Кодекса была установлена ответственность за завладение государственным или общественным имуществом путем обмана или злоупотребления доверием (мошенничество), а в ст. 147 — за мошенничество, совершенное в отношении личного имущества граждан. Помимо основного состава преступления, в указанных статьях были закреплены признаки квалифицированного (мошенничество совершено повторно или группой лиц по предварительному сговору) и особо квалифицированного (мошенничество, причинившее крупный ущерб государству или общественной организации (значительный ущерб гражданину) или совершенное особо опасным рецидивистом) составов.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в СССР наказание за совершение мошенничества определялось на основе фактора принадлежности имущества к частной или социалистической (государственной) собственности. За мошеннические действия, совершенные в отношении личной собственности граждан, наказание было более мягким (ч. 1 ст. 147 УК РСФСР — до двух лет лишения свободы, ч. 2 — до четырех лет лишения свободы, ч. 3 — от трех до десяти лет лишения свободы), чем за аналогичное деяние в отношении государственного или общественного имущества (ч. 1 ст. 93 УК РСФСР — до трех лет лишения свободы, ч. 2 — до шести лет лишения свободы, ч. 3 — от пяти до пятнадцати лет лишения свободы с конфискацией имущества или без таковой). Иными словами, здесь наблюдается тенденция значительной пенализации уголовной ответственности за мошенничество в целом и за его совершение в отношении социалистической собственности в частности [24].

В последующем, после распада СССР в 1991 г., бывшие его субъекты провозгласили государственную независимость. Конституцией Республики Беларусь предусматривалась равная защита всех форм собственности, что, соответственно, отразилось и в нормах уголовного законодательства. Так, гл. 7 «Преступления против социалистической собственности» и гл. 10 «Преступления против личной собственности граждан» были упразднены из действовавшего до 9 июля 1999 г. на территории Республики Беларусь Уголовного кодекса БССР, и гл. 24 «Преступления против собственности» — введена в действие уже в рамках нового Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее — УК Республики Беларусь) [25]. С принятием данного Кодекса, который действует и в настоящее время, содержание определения мошенничества непосредственно в самой статье практически не изменилось, оно представлено как «завладение имуществом либо приобретение права на имущество путем обмана или злоупотребления доверием» (ч. 1 ст. 209 УК Республики Беларусь). Вместе с тем был осуществлен ряд редакционных поправок его квалифицирующего и особо квалифицирующего составов, прежде всего касающихся исключения признаков неоднократности и судимости и включения признаков совершения данного преступления «группой лиц» (как по предварительному сговору, так и без него), «организованной группой», «в крупном размере» и «в особо крупном размере». При этом каких-либо дополнительных признаков, связанных с совершением мошенничества с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (компьютерной информации), в содержание данной нормы не вносилось. Помимо этого, изменения коснулись и пределов наказания за совершение рассматриваемого деяния (максимальное наказание за совершение мошенничества в отношении как государственной, так и частной форм собственности было установлено по аналогии со ст. 147 УК РСФСР — до десяти лет лишения свободы).

Также, поскольку на современном этапе развития государства и общества формы хищений с учетом происходящего активного процесса информационной трансформации и цифровизации общественных институтов, постоянного развития и использования информационно-телекоммуникационных технологий становились и приобретали все более изощренные и замаскированные способы совершения, в уголовном законе была отдельно закреплена обобщающая ненасильственные виды хищений, ужесточающая, в сравнении с последним, наказание (до 12 лет лишения свободы) ст. 212 — хищение имущества путем модификации компьютерной информации. Таким образом, как отмечает В. В. Хилюта, законодатель выделил специальную форму хищения, рассчитанную на ситуации, и, следовательно, сферу применения, когда имущество похищается исключительно с помощью компьютерной техники, посредством изменения данных, обрабатываемых в компьютерной системе, хранящихся на машинных носителях или передаваемых по телекоммуникационным сетям, либо путем введения в компьютерную систему ложной информации. При этом автор указывает, что «такое хищение возможно лишь посредством компьютерных манипуляций, заключающихся в обмане потерпевшего или лица, которому имущество вверено или под охраной которого оно находится с использованием системы обработки информации» [26, с. 459]. Ввиду этого не совсем ясным и дискуссионным представляется разграничение уголовного-правовых признаков и квалификация мошенничества (ст. 209 УК Республики Беларусь), совершенного с использованием компьютерной информации и хищения (ст. 212 УК Республики Беларусь), совершенного путем ее модификации, когда последнее по смыслу п. 1 Примечания к гл. 24 «Преступления против собственности» УК Республики Беларусь может быть также осуществлено в форме мошенничества, поскольку обман с целью завладения чужим имуществом может присутствовать и в том, и в другом случае [26].

В Российской Федерации, после распада СССР, мошенничество как преступление было закреплено в ст. 159 главы 21 «Преступления против собственности» в разделе VIII «Преступления в сфере экономики» Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК Российской Федерации) — это хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием [27]. Как видно из приведенного определения мошенничества, в целом его содержание как терминологическое, так и смысловое идентично тому, которое отражено в белорусском уголовном законе. Отличие заключается в том, что российский законодатель использует термин «хищение», а белорусский — «завладение», что, на наш взгляд, не существенно влияет на его теоретическую и правоприменительную составляющую. При этом квалифицированные и особо квалифицированные составы мошенничества в их сравнении со ст. 209 УК Республики Беларусь были существенно дополнены несколькими признаками, такими, например, как совершение данного преступления с причинением значительного ущерба гражданину — от двухсот пятидесяти до четырех миллионов российских рублей (ч. 2 ст. 159 УК Российской Федерации), за его совершение лицом с использованием своего служебного положения (ч. 3 ст. 159 УК Российской Федерации), повлекшего лишение права гражданина на жилое помещение (ч. 4 ст. 159 УК Российской Федерации), сопряженное с преднамеренным неисполнением обязательств в сфере предпринимательской деятельности (ч. 5 ст. 159 УК Российской Федерации).

Помимо указанного основного состава мошенничества, российский законодатель, в отличие от белорусского, где закреплён только один состав преступления, принял решение о создании нескольких отдельных видов данного преступного деяния в зависимости от способа его совершения и сферы общественных отношений, которой причинен ущерб. Так, в ст. 159.1 УК Российской Федерации закреплена ответственность за совершение мошенничества в сфере кредитования; в ст. 159.2 — при получении выплат; в ст. 159.3 — с использованием средств платежа; в ст. 159.5 — в сфере страхования; в ст. 159.6 — в сфере компьютерной информации, тем самым

в общей сложности в уголовном законе указаны шесть составов совершения рассматриваемого преступления [27]. Однако такой подход российского законодателя, как нам представляется, достаточно серьезно усложнил процедуру правоприменения указанных норм и породил значительное количество следственных и судебных ошибок в части их квалификации на практике. При этом предел наказания как по ст. 159, так и по ст. 159.2–159.6 УК Российской Федерации остался равнозначным (до десяти лет лишения свободы), что не совсем понятно с точки зрения обоснованности введения вышеуказанных норм в действие.

Таким образом, результаты анализа истории возникновения и развития уголовной ответственности за мошенничество позволили сделать вывод о том, что уголовно-правовые нормы, регламентирующие ответственность за данное преступление на территории современной Республики Беларусь и Российской Федерации, формировались постепенно в контексте исторического развития и становления Древней Руси, Российской империи, СССР (БССР), Республики Беларусь и Российской Федерации уже как независимых государств.

В действующем уголовном законе Республики Беларусь под мошенничеством понимается «завладение имуществом либо приобретения права на имущество путем обмана или злоупотребления доверием». Изложенное определение по своему смысловому содержанию практически не отличается от российского и советского. Отсутствие в ст. 209 УК Республики Беларусь дополнительного квалифицирующего признака, связанного с выделением способа мошенничества, совершенного с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (компьютерной информации) не является в достаточной степени обоснованным, поскольку на современном этапе развития общества и государства абсолютное большинство данных видов преступлений подготавливается и совершается в цифровом (виртуальном) пространстве с помощью компьютерных (информационных) технологий и средств коммуникации. В связи с этим представляется актуальным предложение о включении данного признака в содержание ст. 209 УК Республики Беларусь.

Введение в УК Российской Федерации нескольких отдельных составов мошенничества в зависимости от способа их совершения и сфер общественных отношений, которым причиняется ущерб, представляется не в полной мере допустимым и эффективным с точки зрения их правоприменения, и даже наоборот, такой подход к их разграничению, сопряженный с отсутствием четких отличительных пределов их квалифицирующих признаков, по нашему мнению, порождает ряд следственных и судебных ошибок в части их квалификации. В связи с этим для более эффективного противодействия такой форме хищения, как мошенничество, в том числе совершаемого с использованием компьютерной информации, в УК Российской Федерации следует объединить все составы мошенничества (ст. 159–159.6 УК Российской Федерации) в одну общую норму с выделением указанного признака.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Русско-византийский договор, 911 год [Электронный ресурс] // Дилетант. — Режим доступа: <https://diletant.media/articles/34718606/>. — Дата доступа: 10.04.2024.
2. Словарь русского языка [Электронный ресурс] // Фундаментальная электронная библиотека «Русская литература и фольклор». — Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp>. — Дата доступа: 10.04.2024.
3. Левшиц, Д. Ю. Уголовная ответственность за финансовое мошенничество по законодательству России и зарубежных стран [Электронный ресурс] : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Д. Ю. Левшиц ; Моск. гос. лингвист. ун-т. — М., 2007. — 28 с. — Режим доступа: <http://www.dslib.net/kriminal-pravo/ugolovnaja-otvetstvennost-za-finansovoe-moshennichestvo-po-zakonodatelstvu-rossii.html>. — Дата доступа: 10.04.2024.
4. Российское законодательство X–XX вв. : в 9 т. / под общ. ред. О. И. Чистякова. — М. : Юрид. лит., 1985. — Т. 2. — 520 с.

5. Российское законодательство X–XX вв. : в 9 т. / под общ. ред. О. И. Чистякова. — М. : Юрид. лит., 1985. — Т. 3. — 512 с.
6. Владимирский-Буданов, М. Ф. Обзор истории русского права. — М. : Издат. дом «Территория будущего», 2005. — 800 с.
7. Соборное Уложение 1649 г. [Электронный ресурс] // Исторический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова. — Режим доступа: <https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/1649/21.htm>. — Дата доступа: 10.04.2024.
8. Артикул воинский 1715 г. [Электронный ресурс] // Фонд изучения наследия П. А. Столыпина. — Режим доступа: <http://museumreforms.ru/node/13633>. — Дата доступа: 10.04.2024.
9. Елисеев, С. А. Преступления против собственности по российскому законодательству / С. А. Елисеев // Сибир. юрид. вестн., 2002. — № 2.
10. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Издание 1885 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://pravo.by/upload/pdf/krim-pravo/ulogenie_o_nakazaniyah_ugolovnih_i_ispravitelnykh_1845_goda.pdf. — Дата доступа: 10.04.2024.
11. Таганцев, Н. С. Уложение о наказаниях уголовных и исполнительных 1885 г. / Н. С. Таганцев. — СПб, 1906.
12. Познышев, С. В. Особенная часть русского уголовного права (сравнительный очерк важнейших отделов особенной части старого и нового Уложений). — Изд. 2-е, испр. и доп. — М. : Тип. В. М. Саблина, 1909. — 797 с.
13. Уголовное уложение [Электронный ресурс] // Национальный центр правовой информации Республики Беларусь. — Режим доступа: https://pravo.by/upload/pdf/krim-pravo/ugolovnoe_ulogenie_1903_goda.pdf. — Дата доступа: 10.04.2024.
14. Курс уголовного права : в 5 т. — М. : Зерцало, 2002. — Т. 3 : Особенная часть / под ред. Г. Н. Борзенкова, В. С. Комиссарова. — 468 с.
15. 90 лет Уголовному уложению // Вестн. Москов. ун-та. Право. — М., 1993. — Вып. 5. — С. 28–49.
16. Волженкин, Б. В. Преступления в сфере экономической деятельности (экономические преступления) / Б. В. Волженкин. — СПб. : Юрид. центр Пресс, 2002. — 641 с.
17. История советского уголовного права / А. А. Герцензон [и др.] ; Всесоюз. ин-т юрид. наук М-ва юстиции СССР. — М. : Юрид. изд-во Минюста СССР, 1948. — 465 с.
18. № 262. Декрет Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров. О мерах борьбы с хищениями из государственных складов и должностными преступлениями, способствующими хищениям [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://istmat.org/node/46236>. — Дата доступа: 10.04.2024.
19. Декреты Советской власти / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Ин-т истории акад. наук СССР. — М. : Гос. изд-во полит. лит., 1957. — Т. I : 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. — 640 с.
20. Уголовный Кодекс Р.С.Ф.С.Р. Общая часть [Электронный ресурс] // Национальный центр правовой информации Республики Беларусь. — Режим доступа: https://pravo.by/upload/pdf/krim-pravo/UK_RSFSR_1922_goda.pdf. — Дата доступа: 10.04.2024.
21. Елисеев, С. А. Преступления против собственности по УК РСФСР 1922 г. / С. А. Елисеев // Сибир. юрид. вестн. — 2004. — Вып. 1. — С. 26–29.
22. Шаргородский, М. Мошенничество в СССР и на Западе / М. Шаргородский. — Харьков : Юрид. изд-во НКЮ УССР, 1927. — 76 с.
23. Об утверждении Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик [Электронный ресурс] : Закон СССР : 25 дек. 1958 г. — Режим доступа: https://pravo.by/upload/pdf/krim-pravo/ob_utverzdenii_osnov_ugolovnogo_zakonodatelstva_1958_goda.pdf. — Дата доступа: 10.04.2024.
24. Уголовный кодекс РСФСР [Электронный ресурс] : 27 окт. 1960 г. : введен в действие с 1 янв. 1961 г. — Режим доступа: <https://avkrasn.ru/ugolovnyi-kodeks-rsfsr-utverzhen-27-oktiabria-1960-goda-vveden-v-deistvie-s-1-ianvaria-1961-goda-pervaia-redaktsiia-iskhodnyi-tekst-kodeksa-bez-izmenenii-i-dopolnenii/>. — Дата доступа: 10.04.2024.
25. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2024.
26. Уголовный кодекс Республики Беларусь: научно-практический комментарий / Т. П. Афонченко [и др.] ; под ред. В. М. Хомича, А. В. Баркова, В. В. Марчука. — Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2019. — 1000 с.

27. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 13 июня 1996 г., № 63-ФЗ : принят Гос. Думой 24 мая 1996 г. : одобр. Советом Федерации 5 июня 1996 г. : в ред. Федер. закона от 06.04.2024 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». — М., 2024.

Поступила в редакцию 19.04.2024 г.

Primakov A. N.

HISTORY OF THE EMERGENCE AND DEVELOPMENT OF CRIMINAL LIABILITY FOR FRAUD: EXPERIENCE OF RUSSIAN LEGISLATION

Based on the results of the analysis of the preserved historical monuments of law and modern norms of criminal legislation of the Russian Federation and the Republic of Belarus, the article outlines the reasons for the establishment and features of the legal regulation of criminal liability for fraud as a historically emerged independent socially dangerous act, as well as a modern fairly widespread crime committed in the absolute majority of cases with the use of computer information. It is determined that the criminal-legal norms regulating liability for this crime in the territory of the Republic of Belarus and the Russian Federation were formed gradually in the context of the historical development and formation of Ancient Russia, the Russian Empire, the USSR (BSSR), the Republic of Belarus and the Russian Federation as independent states.

For more effective counteraction to such forms of theft as fraud, including fraud committed with the use of computer information, the necessity of introduction in the norms of the current criminal legislation of the Republic of Belarus of an additional qualifying feature, toughening responsibility for its commission by the designated method is predetermined; in the Criminal Code of the Russian Federation — the unification of all compositions of fraud (Articles 159–159.6 of the Criminal Code of the Russian Federation) in one general norm with the allocation of the specified criminal offence.

Keywords: *fraud, deception, breach of trust, criminal liability, computer information, modification, information and telecommunication technologies.*